

A romantic movie poster featuring a man and a woman in a rural setting. The woman, on the left, has long blonde hair and wears a large straw hat and a yellow off-the-shoulder dress with lace details. She holds a wicker basket filled with colorful wildflowers. The man, on the right, has dark curly hair and a beard, wearing a light-colored open shirt and dark trousers. He holds a large wooden rake. They stand in a grassy field with several sheep in the background. A rustic wooden barn is visible on the left, and the scene is bathed in the warm, golden light of a sunset or sunrise.

Люсия Веденская

ОВЕЧКИ ИЗГНАННОЙ ГРАФИНИ

НЕ ВСЕ ПОТЕРИ – КОНЕЦ.
ИНОГДА ЭТО – НАЧАЛО НОВОЙ ИСТОРИИ.

Люсия Веденская

Овечки изгнанной графини

<https://litres.ru/74227747>

Аннотация

Когда-то Аннет считалась весьма завидной невестой. Еще бы, единственная дочь известного графа! Но теперь восхищение окружающих осталось в прошлом, теперь все лишь пренебрежительно зовут ее «пастушкой».

Ей предстоит разобраться с домиком на окраине, парой упрямых барашков и прялкой, о которой ходят странные легенды.

Магия, шерсть, немного упрямства, и, кто знает, может быть, новая жизнь окажется не хуже прежней? Особенно если в ней появится кто-то, кто оценит пастушку так же, как графскую дочь.

В тексте есть:

- овечки, которые знают себе цену
- графиня с титулом, но без состояния
- домик на окраине и любопытные соседи
- волшебная прялка
- шерсть, магия и упрямство в равных долях
- внезапные ухажеры (и не только из дворян)
- немного иронии и немного волшебства
- путь к счастью, созданный своими руками

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Дочь графа	8
Глава 2. Овцы вместо титула	12
Глава 3. Дом там, где овцы	16
Глава 4. Хозяин или хозяйка?	20
Глава 5. Спор у загона	26
Глава 6. Урок первый	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пролог

Аннет уснула быстро: усталость накрыла ее мягко, как шерстяное одеяло. Но когда сон пришел, то оказался не обычным: будто бы ее усадили в зал, освещенный сотнями свечей. В зале теснились дамы в пышных платьях, веера шуршали, перешептывания почти звенели в воздухе — так много их было.

В центре зала висел тяжелый бархатный занавес, за которым явно готовилось представление. Все происходило так ясно, что она почти чувствовала на коленях легкий кружевной платочек и ощущала прохладу веера в ладонях.

— Ах, опять эта глупенькая сказка, — раздался жеманный смешок справа. — Ну да, про фрейлину и волшебное веретено, — ответила другая дама, поправляя жемчуг на шее. — Ее всегда рассказывают на балах, чтобы позабавить публику.

Аннет хотела спросить, что это за сказка, но слова не слетели с губ. Да и в этом не было нужды: занавес уже раздвигался, открывая маленькую сцену, где собиралась ожить старая история.

На сцене появилась стройная фигура в наряде из переливающегося атласа. Фрейлина поклонилась так низко, будто каждое движение ее рук было специально выучено для придворных балов. Золотые локоны падали на плечи, а в глазах

светилось довольство собой.

— У всех платья пышнее, чем у меня, — томно протянула она, оглядывая зал. — Но я сотку такое полотно, что ни одна дама при дворе не сравнится со мной!

В зале раздался смешок. — Вот-вот, — прошептала дама с веером рядом. — С этой фразы всегда все начинается.

На сцене вдруг вспыхнул свет, и из-за кулис вышла маленькая старушка в длинном сером платье. Ее вид был нарочито комичный: горб, огромный колпак, шаги неспешные. Но в руках она держала прялку и веретено, сверкавшие так, что весь зал ахнул.

— Это дар, — сказала старушка, поднимая прялку высоко. — Прясть этой прялкой можно любую шерсть, и станет она мягче облаков и крепче стали. Но помни: не для гордости она дана, а для труда. Нарушишь — потеряешь все.

Фрейлина схватила прялку и засмеялась так звонко, что даже свечи на люстрах дрогнули. — Для труда? Ах, как смешно! Я сотку ткань для королевского бала, и все дамы умрут от зависти.

Зал захихикал, веера зашелестели. Каждая зрительница знала, что будет дальше.

Бал сиял огнями. По сцене скользили пары в пышных платьях и камзолах, музыканты выводили нежный мотив. Но все внимание было приковано к фрейлине: она вышла в зал, держа в руках свернутое полотно, сотканное из золотистых нитей.

Ткань сияла так, будто в нее вплели солнечные лучи. Дамы ахнули, кавалеры замерли, а сам король привстал со своего трона, чтобы разглядеть чудо поближе.

— Смотрите! — воскликнула фрейлина, расправляя ткань так, чтобы блеск упал прямо на лица придворных. — Я соткала полотно, которому нет равных во всем королевстве!

Она кружилась в танце, держала ткань над головой, словно корону, и смеялась от восторга. Но смех ее резко оборвался.

На глазах у публики нити стали тускнеть. Золото потемнело, полотно повисло безжизненной тряпицей. Фрейлина пыталась встряхнуть его, надеясь вернуть блеск, но нити рвались под ее пальцами, рассыпались клочьями.

Зал загудел. Дамы закрыли лица веерами, кавалеры усмехались, а король недоуменно нахмурился. Фрейлина побледнела и упала в обморок прямо на сцене.

В тот же миг прялка и веретено исчезли — будто их никогда и не было.

— Вот так всегда, — проворковала дама в зрительном ряду, хлопнув веером. — Не для гордости, а для труда... предупреждали же.

Музыка стихла, словно сама оркестровая магия оборвалась вместе с золотыми нитями. На сцене не осталось ничего, кроме бесчувственной фрейлины и клочков тусклой ткани.

И в этот момент раздался голос глубокий и напевный, как будто идущий не со сцены, а откуда-то из воздуха, из самих

стен зала:

— С тех пор прялка и веретено не достаются тем, кто ищет славы. Они появляются лишь у тех, кто потерял все и сумел ценить простое выше богатства. У кого руки готовы к труду, а сердце — к терпению.

Дамы в зале согласно закивали, зашуршали веерами, кто-то прыснул в кулачок.
— Глупенькая сказка, — прошептала одна из них. — Но какая поучительная!
— Ах, да, — вторила соседка. — Каждый раз смешно... и каждый раз почему-то грустно.

Зал затих, свечи погасли одна за другой, и сон рассыпался, как золотые нити на сцене.

Аннет вздрогнула и проснулась в своей комнате. За окном уже светало. В памяти остался только смех жеманных дам и образ прялки, сиявшей ярче любого королевского золота.

Глава 1. Дочь графа

Сон еще стоял перед глазами — слишком яркий, словно все увиденное случилось наяву. Зал, переливавшийся огнями сотен свечей, жеманные дамы с веерами, и та глупенькая сказка о фрейлине, которая посмела кичиться волшебной прялкой. Аннет нахмурилась: откуда вообще в ее голове могла взяться эта нелепица?

Она вздохнула, откинула одеяло и села на край кровати. Комната встретила ее привычной прохладой: тяжелый ковер под ногами, высокий шкаф с резными дверцами, зеркало в резной раме. Все было так, как и всегда. Сон казался чем-то чужим, непрошеным.

Дверь приоткрылась, и внутрь вошла горничная с подносом.
— Доброе утро, миледи, — произнесла она, опускаясь в легком реверансе. — Ваш отец просил напомнить, что вечером он ждет вас в кабинете.

Аннет кивнула рассеянно. Вечерний разговор... Она предпочла пока не задумываться о его содержании. Утро принадлежало ей, и сегодня она намеревалась провести его так, как будто никакие перемены ей не грозили.

Аннет позволила горничной откинуть тяжелые занавеси, и в комнату хлынул свет, и пыльные частички закружились в воздухе. На столике уже ждали кувшин с водой, серебряная миска и полотенце. Девушка опустила руки в прохладную

воду, умылась и тут же подала полотенце служанке. Все происходило привычно, почти механически: каждое утро было похоже на предыдущее.

— Какое платье пожелаете, миледи? — спросила горничная, подходя к гардеробу.

Аннет задумалась. В шкафу висели несколько нарядов: когда-то их было куда больше, но теперь обновки поступали не так часто, как прежде. Она выбрала голубое платье с легкой вышивкой по подолу — изящное, но не слишком броское.

Горничная помогла ей встать, подняла юбки и аккуратно затянула корсет. Аннет привычно поправила волосы, а затем позволила служанке закрепить их заколками.

— Слишком туго, — заметила она с легкой улыбкой. — Вы, кажется, решили лишить меня дыхания.

Горничная смутилась и ослабила шнуровку.

Аннет глянула на свое отражение в зеркале. Лицо выглядело свежим, но в глазах все еще оставался след того странного сна. Она слегка тряхнула головой, будто отгоняя мысль, и улыбнулась самой себе: графская дочь не имеет права хмуриться без причины.

Служанка подала ей легкий плащ для прогулки по саду. Аннет накинула его на плечи и направилась к двери, решив, что утро будет потрачено на привычные занятия: немного музыки, немного чтения, а потом прогулка. Все как всегда — пока отец не позовет ее в кабинет.

В музыкальной комнате стоял рояль, когда-то привезенный из столицы. Аннет села за клавиши, провела пальцами по слоновой кости и наиграла несколько простых аккордов. Звуки прозвучали звонко, но инструмент уже немного расстроился. Когда-то его обслуживали лучшие мастера, теперь же приходилось довольствоваться редкими визитами местного настройщика.

После получаса музыки Аннет взялась за рукоделие. Вышивка успокаивала ее, хотя раньше она считала это занятием скучным. На коленях у нее лежал кусок ткани с недошитым узором. Нить путалась, игла время от времени цеплялась за ткань — и Аннет улыбнулась: вот уж точно не то, чем можно хвастаться на балах.

В комнату заглянула ее компаньонка, мадемуазель Лизетт, художавшая француженка с вечной склонностью к ворчанию.
— Миледи, вы забыли про корреспонденцию, — напомнила она, подавая несколько писем.

Писем оказалось немного: два приглашения на светские приемы и одно сухое напоминание о задолженности за поставку вина. Аннет бегло просмотрела их, вздохнула и отложила в сторону.

— Кажется, меня зовут лишь из вежливости, — сказала она, возвращаясь к вышивке. — Или по обязанности.

Лизетт пожала плечами.
— Ваша фамилия все еще открывает двери. Но двери становятся все уже.

Аннет покраснела и упрямо уткнулась в иглу с ниткой.

Она не позволит никому говорить о ее семье так, словно это прошлое, а не настоящее.

Чуть позже она вышла в сад. Дорожки заросли травой, розы требовали ухода, и все же здесь сохранялся особый уют. Аннет медленно шла по аллее, расправив плечи. Пусть дом терял былое великолепие, но она — нет.

А где-то в глубине сознания все еще звучал странный сон: смех дам, золотая прялка и слова о тех, кто теряет все, чтобы начать заново.

Аннет вернулась из сада в дом и уже собиралась подняться в свою комнату, когда лакей почтительно остановился у лестницы.

— Миледи, его сиятельство граф просил напомнить, что сегодня вечером ждет вас в своем кабинете, — сказал он с поклоном.

Она едва заметно нахмурилась, но кивнула, сохраняя спокойствие.
— Передайте отцу, что я непременно приду.

Аннет поднялась по ступеням с прямой спиной. Разговор с отцом, какой бы он ни был, казался ей чем-то далеким. Она еще не знала, что именно этот вечер положит конец ее привычной жизни.

Глава 2. Овцы вместо титула

Вечер опустился на особняк незаметно: свечи в коридорах зажгли рано, но все равно казалось, что света стало меньше, чем в другие вечера в доме. Длинные тени легли по коврам, портреты на стенах смотрели серьезнее обычного, а где-то внизу все еще пахло ужином, который Аннет так и не доела.

Лакей проводил ее до двери кабинета и, поклонившись, отступил. — Его сиятельство ждет вас, миледи, — произнес он почти шепотом.

Аннет выпрямила спину. Она чувствовала, как сердце стучит быстрее, хотя внешне старалась казаться спокойной. Что может быть такого важного, что отец выбрал для разговора вечер?

Деревянная дверь с тяжелой резьбой казалась массивнее, чем обычно. Аннет коснулась бронзовой ручки и глубоко вдохнула. Вечер обещал перемены, и она вдруг остро это почувствовала — так же, как утром ощущала странный сон о пралке.

Она толкнула дверь и шагнула внутрь.

Кабинет встретил ее запахом старой бумаги, воска и чуть горьким ароматом вина. Когда-то это помещение считалось сердцем дома: здесь принимали гостей, подписывали договоры, обсуждали судьбы. Теперь же оно казалось тише и строже.

Тяжелые шторы скрывали половину окон, на полках стояли книги в тисненых переплетах, кое-где покрытые пылью. Картины в золоченых рамах слегка потемнели, и лишь огонь камина оживлял их, бросая красноватые отблески.

У письменного стола сидел ее отец. Волосы его поседел сильнее, чем год назад, плечи будто согнулись под тяжестью забот. Но в движениях оставалась привычная графская сдержанность: он медленно отложил перо, поднял взгляд на дочь и чуть нахмурился.

— Аннет, садись, — сказал он негромко, указывая на кресло напротив.

Она опустилась на мягкую обивку, чувствуя, как напряжение в комнате становится почти осязаемым.

Отец некоторое время молчал, собираясь с мыслями. Тишина нарушалась лишь потрескиванием дров в камине.

— Нам нужно поговорить серьезно, — наконец произнес он. — И я прошу тебя выслушать меня внимательно, без капризов и возражений.

Аннет приподняла подбородок, пытаясь сохранить достоинство. Но сердце стучало быстрее: слишком уж непривычно звучал его голос — не строгий, а усталый.

— Наше положение изменилось, — начал он медленно и провел рукой по виску, будто хотел стряхнуть с себя усталость. — Ты уже, наверное, замечаешь: меньше слуг, меньше писем, меньше приглашений.

Аннет напряглась, но кивнула.

— Долги накапливались годами, — продолжил отец. — И теперь они стали выше того, что я могу удержать. Земли у нас уже отобрали, часть имения конфискована короной, а титул... титул остался только именем.

Она открыла рот, но тут же закрыла: слова отца звучали так, словно он произносил приговор.

— Что же будет с нами? — все-таки выдохнула она.

— «Мы» — это, по сути, уже только ты, — ответил граф. — Я слишком стар, чтобы что-то менять. К тому же, наверняка, мне не смогут просто простить все долги. Но у тебя впереди жизнь. И я должен сказать тебе прямо: от особняка нам придется отказаться. Все, что у тебя остается, — это маленький дом на окраине и несколько овец, доставшихся от твоей бабки.

— Овцы? — переспросила Аннет так, словно слово было ей незнакомо. — Вы хотите сказать, что я... я должна пасти их?

В ее голосе прозвучали и ужас, и смешок одновременно.

Отец нахмурился, но уголки его губ дрогнули: — Пасти, продать всех или продавать только шерсть — решать тебе. Но это твое наследство, и другого у тебя нет.

Аннет вскинула подбородок: — Если уж я должна пасти стадо, то уверяю вас, что я справлюсь. И мои овцы будут не хуже графского герба!

Отец тихо рассмеялся, но в смехе слышалась горечь. Он протянул руку и накрыл ее ладонь своей: — Не смей

опускать голову, Аннет. Ты моя дочь. И даже если у тебя останется только пара барашков и старый дом, помни, что титул у тебя в крови. И он сильнее любого позора.

Она кивнула, хотя сердце упрямо сжималось в груди. Разговор был окончен. Она встала, поклонилась и вышла, стараясь держаться прямо.

Но за дверью, в темноте коридора, впервые ощутила, что ее прежняя жизнь закончилась.

Глава 3. Дом там, где овцы

Аннет вернулась в свои покои, не зажигая свечей. В полумраке комната казалась чужой. Девушка быстро осознала, что на месте остались те же зеркала, те же тяжелые шторы, та же кровать с вышитыми подушками, но вот сама Аннет словно стала другой.

Слово «овцы» звенело в голове, будто издевка. Она дочь графа, воспитанная для балов и комплиментов, теперь должна разбираться с барашками?

Аннет прошлась по комнате и упрямо вздернула подбородок.
Ну и что из того? Если судьба решила испытать ее, она выдержит. Овцы так овцы. Зато это ее собственные овцы, а не чьи-то приглашения из вежливости на скучные мероприятия.

Она села у туалетного столика, взглянула в зеркало. Отражение посмотрело в ответ серьезно, даже сурово. Впервые Аннет показалось, что в ее глазах есть нечто отцовское — та самая сдержанная гордость, о которой он никогда не говорил вслух, и которую Аннет не замечала за собой раньше.

Но через миг ей стало смешно.
— Прекрасная пастушка, — пробормотала она вслух. — Осталось только обзавестись свистком и собакой. Буду лучшей пастушкой всех деревень.

Когда свечи догорели и комната окончательно погрузи-

лась в темноту, Аннет все же задремала. Сон пришел быстро, яркий и нелепый, похожий на фантастический спектакль, который она уже видела прошлой ночью.

На этот раз в зале вместо придворных дам стояли овцы. Каждая в кружевных накидках и с жемчужными ожерельями. Они важно переговаривались между собой, щелкали веерами в копытец и косились на двуногую гостью с видом строгих наставниц.

— Ах, это та самая новая графиня, — бляла одна, поправляя шелковый чепчик.
— Ей бы еще научиться держать пастуший посох, — отвечала другая. — Без этого в свете лучше не появляться!

Аннет и во сне попыталась возразить, но из ее рук выпала прялка, такая старая и необычная, словно из сказки. Волшебная золотая нить как-то неестественно вытянулась, а потом обвила ноги, будто напоминая: судьбу не так-то просто распутать.

Девушка вздрогнула и проснулась. Сердце колотилось, будто она действительно танцевала на балу среди барашков в платьях.

— Чепуха, — пробормотала Аннет, откидываясь на подушки. Но смех овец еще звенел в ушах, и от этого было не по себе.

Утро встретило ее мягким светом и тихими звуками, доносившимися со двора: скрипели телеги, хлопали двери, перекликались слуги. Все было так же, как всегда, но Аннет

вдруг уловила новые мотивы, будто в знакомую мелодию вплели ноты из другого произведения.

Горничная вошла, как обычно, с умывальной миской.
— Доброе утро, миледи, — произнесла она буднично, но взгляд у нее был испытующий.
Аннет уловила это и сжала губы. Неужели, даже слуги уже все знали?

Девушка умылась, позволила затянуть корсет и молча выбрала простое платье, на этот раз без кружев и драгоценных застежек. Когда горничная попыталась осторожно заметить, что «для приема гостей лучше другое», Аннет только вскинула подбородок.

— Сегодня мне не нужны гости, — отрезала она, не удостоив замечание каким-либо дополнительным комментарием.

В саду розы все так же источали запах, но теперь Аннет особенно отчетливо видела в цветах не красоту, а неоценимый труд садовника. Каменные стены особняка казались менее надежными, а ковры в зале — более потертыми. Все, что раньше казалось вечным, вдруг предстало временным.

К полудню отец позвал ее снова, но на этот раз не для длинной беседы, а лишь чтобы передать небольшой сверток.

— Здесь бумаги, ключи и описание дома, — сказал он сухо. — Твоя бабушка хранила кое-что из старых вещей в доме. А еще там... — он помедлил и чуть усмехнулся, — пара овец, к которым стоит привыкнуть.

Аннет сжала сверток в руках и поняла: с этого момента

у нее есть вполне осязаемое реальное наследство, и от него уже не отмахнуться.

Аннет вернулась в свои покои и положила сверток на стол. Печать на бумагах еще не была нарушена, ключи тихо звякнули, завернутые в бумагу, и этот звук прозвучал для нее громче, чем весь вчерашний разговор с отцом.

Она долго сидела, глядя на сверток. Дом на окраине, овцы, прялка, о которой ей теперь снились сны, все это звучало нелепо и унижительно для графской дочери. Но вместе с тем появилось ощущение, что хоть что-то в жизни по-настоящему может принадлежать одной только ей.

Аннет медленно улыбнулась, пытаясь осознать собственные мысли.
— Ну что ж, — произнесла она вслух, — если судьба решила превратить меня в пастушку, пусть так. Но мои овцы будут говорить обо мне не хуже графского герба.

В ту же минуту в груди стало легче. Решение было принято. Она больше не чувствовала себя только жертвой обстоятельств: пусть смешно, пусть странно, но у нее есть свое маленькое стадо, и она сумеет из него что-то сделать.

За окном солнце выбралось из-за туч, осветив сад и стены особняка. Аннет подошла к окну и посмотрела вдаль. Ей казалось, что впереди ждет не конец, а начало.

Глава 4. Хозяин или хозяйка?

Карета покачивалась на ухабах, и каждая кочка отзывалась в боках Аннет, привыкших к мягким подушкам и ровным мостовым столицы. Слуги теперь не толпились вокруг, впереди ехал лишь один возница да молчаливый лакей рядом, который должен был отправиться обратно в город сразу после доставки девушки в ее новое жилище. Все выглядело не как привычная поездка графской дочери, а как странная ссылка: вроде со всем уважением, но явно в качестве наказания.

Аннет, однако, держала голову высоко. Пускай дорога трясла ее так, что зубы стучали, она сидела прямо, будто ехала не в захолустный домик, а на прием к самой королеве.

По обе стороны тянулись поля, редкие деревни, рощи с желтыми листьями — осень вступала в свои права. Воздух был свежим и даже резким, пахло сеном и дымком от печных труб. Аннет никогда прежде не смотрела на все это так внимательно: раньше такие картины пролетали за окнами экипажа, не оставляя следа.

Теперь же каждый поворот дороги напоминал: впереди не балы и поклонники, а овцы и прялка.

Карета остановилась у невысокого каменного дома с покосившейся крышей и крошечным садиком. У калитки виднелся загон — деревянный, с перекладинами, кое-где уже

подпиленными временем.

Аннет приподнялась, глядя в окно. Сердце неприятно кольнуло: это было так далеко от ее привычных покоев с зеркалами и гобеленами.

— Дом вашей бабки, миледи, — произнес лакей, помогая открыть дверь кареты.

Рядом с ней выбралась и горничная Марта — худенькая, бойкая девушка немногим старше Аннет, которая была вместе почти все детство. Остаться с ней Марта согласилась только потому, что ее собственная семья жила неподалеку. Отец Аннет дал ей небольшую плату сверх обычного жалования за месяц, и теперь это была не преданная служанка, а скорее добрая соседка, временно сопровождающая «почти бывшую хозяйку».

Марта расправила юбку, окинула взглядом дом и загон и не удержалась от вздоха:
— Ну... жить можно. Если не придираться к дырявой крыше.

Аннет вышла на гравийную дорожку. Дом казался совсем маленьким. Но в нем было что-то простое, и при этом спокойное, словно он ждал ее.

«Мой дом,» — впервые подумала она с легкой дрожью в теле.

Из-за дома донесся протяжный BLEЮЩИЙ звук, и Марта хмыкнула:
— Кажется, ваше «стадо» знает, что вы приехали.

Аннет повернула за угол и замерла. В загоне стояли три

овцы: пушистые, белые, с недоверчивыми взглядами темных глаз. Одна жевала солому, вторая упрямо скребла землю копытом, а третья в этот момент ловко просунула голову между перекладинами и тянулась к ближайшему кусту роз.

— Ах! — вырвалось у Аннет. — Она портит сад!

Она кинулась к калитке, но овца дернула голову назад, ухватила зубами розовый бутон и, не спеша, разжевала его с видом полной победы.

— Они... они варвары, — пробормотала Аннет, потрясенно прижав ладонь к губам.

Марта прыснула в кулак: — Миледи, знакомьтесь: это Белка, Луна и Сажа. Это еще ваша бабка придумала, теперь в стаде обязательно есть три овцы с такими именами. Остальные в загоне побольше у поля.

Аннет осторожно шагнула ближе. Овцы смотрели на нее с явным интересом, но не двинулись. Ветер шевелил их густую шерсть, и от нее пахло чем-то теплым, простым, деревенским.

Она вдруг почувствовала себя так, будто стоит перед строгой комиссией. И комиссия явно не склонна впечатляться титулами.

— Ну что ж, — сказала Аннет вслух, выпрямляясь. — Я ваша новая хозяйка. И прошу заметить, титул у меня есть.

Овцы промолчали. Только та, что пожевала розу, громко заблеяла, словно подытожив: титул титулом, а бутон вкуснее.

Марта уже откровенно смеялась. — Кажется, придет-

ся вам заслужить их уважение, миледи.

Аннет же, вопреки обиде, вдруг ощутила что-то новое — азарт.

К вечеру Марта собрала свой скромный узелок, собираясь удалиться. Она хлопотала весь день: протерла пыль в доме, растопила печь, приготовила нехитрый ужин из того, что нашлось на полках кладовой. Но теперь ее глаза все чаще тянулись к дороге.

— Мне пора, миледи, — сказала она, поправляя платок на голове. — Отец не простит, если я задержусь на ночь. Он старый уже, да и мать больная... Вы ведь знаете.

Аннет сжала руки на коленях. Хотелось сказать *«Останься»*, но она понимала: Марта и так сделала больше, чем обязана.

— Конечно, — произнесла она ровно. — Я справлюсь.

Марта колебалась, потом шагнула ближе и обняла ее быстро и неловко.
— Вы справитесь, я верю, — шепнула она. — А если что... я живу в двух деревнях отсюда. Пришлю брата помочь, если понадобится.

Аннет кивнула, стараясь не показать, как тяжело стало в груди.

Марта вышла за калитку, ее фигура быстро растворилась в вечерних сумерках. Тишина дома стала осязаемой.

Аннет осталась одна. Впервые в жизни — совсем одна, без слуг, без подруг, без привычной семьи. Лишь маленький дом, огороженный загон и три подозрительные овцы, смот-

рящие на нее так, будто именно они решают, достойна ли она этого наследства.

Аннет глубоко вздохнула и подошла к загончику с избранными шерстяными дамами.
 — Ну что ж, дамы, — произнесла она торжественно, — теперь мы предоставлены друг другу. Придется ужиться.

Овцы устали на нее с прежним равнодушием. Та самая, что пожирала розы, лениво чихнула и отвернулась.

Аннет скрестила руки на груди:
 — Ах, прекрасное начало. Отличная поддержка.

И именно в этот момент за ее спиной раздался мужской голос:
 — И кто это у нас тут командует моими овцами?

Она обернулась резко. У калитки стоял высокий молодой мужчина в темной рубашке, с закатанными рукавами и темными волосами, чуть взлохмаченными ветром. В руках он держал кнут и выглядел так, будто только что вернулся с работы.

Его глаза сверкнули недоумением и возмущением одновременно.
 — Девушка в нарядном платье, среди моего загона... — он прищурился. — Осмелюсь спросить: кто вы такая и что делаете на моей ферме?

Аннет, еще не оправившись от неожиданности, вскинула подбородок так, как умела только она:
 — На вашей? Простите, но насколько мне известно, все это — мое наследство.

Он усмехнулся, но взгляд остался твердым:
 — Мое

оно было, пока не явились вы. И, похоже, нам предстоит решить, кому на самом деле принадлежит это стадо.

Аннет ощутила, как ее сердце сделало сальто. Первым ее настоящим противником оказалась не упрямая овца, а этот незнакомец.

Глава 5. Спор у загона

— Простите, — медленно произнесла Аннет, стараясь, чтобы голос звучал как можно увереннее, хотя внутри все сжалось в комок. — Но если вы внимательно посмотрите на эти бумаги, то увидите печать моего отца. А значит, ферма, дом и все, что в нем находится, принадлежит мне.

Мужчина шагнул ближе, и она невольно отступила на полшага назад — не из страха, а просто потому, что он оказался куда выше, чем казался у калитки. Кнут он, впрочем, не поднимал, лишь хлопнул им слегка по голенищу сапога, будто отгоняя пыль.

— Бумаги, — повторил он с таким видом, словно само это слово вызывало у него изжогу. — Бумаги говорят одно. А я скажу вам, как оно на деле: эту землю я обрабатываю уже шесть лет. Загон я чинил сам, крышу сарая перекрывал сам, и овец, которых вы сейчас гордо называете «своим наследством», по большей части выкормил тоже я. Так что простите, если мне немного режет слух, когда какая-то городская барышня в шелковом платье заявляет, что все это вдруг стало ее.

— Городская барышня? — Аннет почувствовала, как щеки у нее загорелись. — Я графская дочь!

— Ах, графская, — он чуть наклонил голову, и в глазах у него мелькнуло что-то, отдаленно похожее на усмешку. —

Тогда тем более странно видеть вас здесь. У графских дочерей, насколько я помню, есть особняки, балы и кареты. А не загоны с овцами на самом краю деревни.

Удар попал точно в цель, и Аннет на мгновение растерялась. Она открыла рот, чтобы возразить, но не нашла, что сказать — ведь он, по сути, был прав, и от этого стало только обиднее.

— Обстоятельства, — выдавила она наконец, — изменились. Но дом и земля по-прежнему принадлежат моей семье. У меня есть документы, есть ключи, и я не намерена это обсуждать с первым встречным, который размахивает кнутом возле моего загона.

— Первым встречным? — он издал короткий смешок, в котором не было ни капли веселья. — Что ж, прекрасно. Тогда позвольте представиться: меня зовут Этьен. Я тот самый «первый встречный», который арендует эту землю у вашего отца уже шесть лет — с тех пор как сам ее продал, по очень настоятельной просьбе обстоятельств. И, поверьте, я был бы рад, если бы ваш отец прислал хоть одно письмо, в котором сообщил бы мне, что у фермы появилась новая хозяйка. Но письма не было. Было только это.

Он махнул рукой в сторону Аннет — в сторону ее платья, ее прически, аккуратных перчаток, которые она так и не сняла с самого утра.

— Простите, что я не одета подходящим образом для знакомства с арендатором, — отрезала она, вскинув подборо-

док. — Если бы меня предупредили, что мне предстоит спорить о праве собственности прямо у калитки, я бы, разумеется, надела что-нибудь попроще.

Этьен смотрел на нее несколько долгих секунд, и Аннет показалось, что он оценивает ее — примерно так же, как оценивал бы новую овцу в стаде: стоит ли с ней возиться или сразу махнуть рукой.

— Хорошо, — сказал он наконец, и в голосе его прозвучала усталость, которая показалась Аннет даже более неприятной, чем насмешка. — Допустим, бумаги настоящие. Допустим, дом и земля действительно теперь ваши. Но позвольте спросить, миледи: вы хоть представляете, что делать со всем этим?

Он широким жестом обвел загон, дом с покосившейся крышей, дальний выгон, где паслись еще несколько овец, ед-ва различимых в сумерках.

Аннет хотела ответить что-нибудь резкое и уверенное, но слова застряли в горле. Она представляла себе многое: дом, ключи, даже немного романтики в духе «начну новую жизнь». Но как именно эта жизнь будет выглядеть на практике — стрижка, кормление, починка крыши — об этом она не подумала ни секунды.

— Разумеется, — произнесла она с достоинством, которое самой себе показалось не слишком убедительным. — У меня есть план.

— Неужели, — Этьен слегка наклонил голову, явно не ве-

ря ни единому слову.

— Да. — Аннет лихорадочно соображала. — Я... я займусь шерстью. Стрижка, обработка, продажа. Это совершенно обычное дело, тысячи людей занимаются этим каждый день.

— Тысячи людей, — повторил он медленно, — которые этому обучены с детства. Вы когда-нибудь держали в руках ножницы для стрижки овец?

— Ножницы я держала, — заметила Аннет с достоинством. — Для рукоделия.

В наступившей тишине было что-то особенно унижительное. Где-то за спиной у Аннет одна из овец громко чихнула, как будто и она была не в восторге от услышанного.

Этьен потер лицо ладонью, словно пытаясь собраться с мыслями, и Аннет вдруг заметила, что под кажущейся резкостью в нем читается скорее усталость, чем злость — усталость человека, который слишком много раз начинал заново и не питал иллюзий насчет того, как легко это бывает.

— Послушайте, — сказал он наконец, чуть мягче. — Я не желаю вам зла, миледи. Но эта земля и эти овцы — это все, что у меня есть. Я не могу позволить себе, чтобы кто-то, кто впервые в жизни увидел овцу не на гобелене, начал тут... экспериментировать. От этого зависит мой урожай шерсти, мой доход, моя крыша над головой — в буквальном смысле, учитывая ее состояние.

— А мой доход и моя крыша, — парировала Аннет, —

зависят от того же самого. Так что, кажется, у нас есть общий интерес, не находите?

Этьен посмотрел на нее так, как смотрят на человека, предложившего разделить пирог, который и так принадлежит тебе целиком.

— И что вы предлагаете?

— Что предлагаю? — Аннет на мгновение растерялась — собственная фраза прозвучала смелее, чем она ожидала, и теперь требовалось что-то ей соответствующее. Она расправила плечи. — Предлагаю вам показать мне, как все это устроено. А я... я постараюсь не мешать. Пока не научусь не мешать, а помогать.

— Вы хотите, чтобы я вас учил, — Этьен произнес это с таким видом, будто проверял, не ослышался ли.

— Я хочу, — Аннет сделала паузу, подбирая слова, — чтобы мы оба не остались без крыши над головой. Если вам так понятнее.

Он долго молчал, переводя взгляд с нее на овец, потом на дом, потом снова на нее — будто прикидывал, насколько все это плохая идея и есть ли у него хоть какой-то выбор.

— Хорошо, — произнес он наконец. — Завтра, на рассвете, приходите к большому загону. Наденьте что-нибудь, что не жалко испортить. И, миледи, — он сделал шаг назад, к калитке, — не опаздывайте. Овцы не ждут.

— Я никогда не опаздываю, — отозвалась Аннет с достоинством, хотя сама прекрасно знала, что это не вполне так.

Этьен хмыкнул — то ли с недоверием, то ли с предвкушением, — развернулся и зашагал в сторону своего дома, темный силуэт которого Аннет только теперь разглядела чуть дальше за полем.

Когда он ушел, она еще долго стояла у загона, глядя на овец. Те, в свою очередь, глядели на нее — с тем же ровным, ничего не обещающим спокойствием.

— Ну что ж, — сказала Аннет вслух, обращаясь то ли к Белке, то ли к Луне, то ли к Саже, то ли ко всем сразу. — Кажется, у меня появился учитель. И, кажется, он считает меня безнадежной.

Овца, та самая, что недавно полакомилась розой, негромко заблеяла — звук этот мог означать что угодно, но Аннет почему-то решила, что это согласие.

Она вошла в дом, задвинула щеколду на двери — старую, чуть скрипучую, но настоящую, свою собственную щеколду, — и присела на край бабушкиной кровати. Завтра предстояло проснуться раньше, чем когда-либо в жизни. Завтра предстояло держать в руках ножницы не для рукоделия.

И, проваливаясь в сон, Аннет вновь увидела зал со свечами и шепчущими дамами — но на этот раз занавес был задернут, и сцена оставалась темной, будто история еще не успела начаться.

Глава 6. Урок первый

Аннет проснулась от холода — настоящего, пробирающего до костей, такого, какой никогда не добирался до нее в особняке, где каминные растапливали еще до того, как она открывала глаза. Здесь же огонь в печи погас за ночь, и комната встретила ее серым полумраком и стылým воздухом.

Она лежала несколько секунд, глядя в низкий потолок с темными балками, и пыталась понять, что именно ее разбудило. Ответ пришел почти сразу: где-то совсем рядом, за стеной, кто-то методично и без всякого почтения к утреннему покою колотил молотком.

Аннет села на кровати, протерла глаза и не сразу вспомнила, зачем вообще нужно вставать в такую рань. Память вернулась вместе с холодом: загон, Этьен, ножницы для рукоделия, обещание не опаздывать.

— Овцы не ждут, — пробормотала она, повторяя его слова с интонацией, которая, как ей казалось, должна была прозвучать насмешливо, но вышла скорее жалобной.

Одеваться без горничной оказалось делом не таким простым, как она представляла. Корсет, конечно, остался в шкафу — даже Аннетхватило здравого смысла понять, что для встречи с овцами он не подойдет. Но и без него застежки на простом платье оказались на удивление упорными, а волосы, обычно укладываемые чужими ловкими руками, теперь то-

поршились во все стороны, как солома.

После недолгой борьбы Аннет решила просто заплести косу — туго, без изящества, но хотя бы не лезла в глаза. Взглянув на себя в маленькое зеркало над комодом, она хмыкнула: отражение напомнило ей скорее служанку, чем графскую дочь, но в этом, как ни странно, было что-то освобождающее.

Она накинула старую шерстяную шаль, найденную в сундуке — судя по запаху, давно забытую еще бабушкой, — и вышла во двор.

Утренний воздух ударил в лицо свежестью и запахом мокрой травы. Солнце еще не поднялось толком, лишь окрасило край неба в неяркий розовый цвет. Овцы в загоне уже не спали: Белка деловито жевала что-то, Луна обнюхивала забор, а Сажа стояла у самой калитки, глядя на Аннет с тем же равнодушным выражением, что и накануне.

— Доброе утро, дамы, — произнесла Аннет торжественно. — Надеюсь, вы хорошо спали. Меня, признаюсь, согрели мысли о собственной глупости.

Сажа моргнула.

Большой загон, о котором говорил Этьен, оказался дальше, чем Аннет рассчитывала — за полем, у самой границы фермы. К тому моменту, как она добралась туда, подол платья успел собрать на себя половину утренней росы, а туфли — те самые, изящные, для прогулок по саду, — уже промокли насквозь.

Этьен был там. Он стоял посреди загона, придерживая одной рукой крупную овцу, а другой держал странного вида ножницы — большие, с широким лезвием, совсем не похожие на те, которыми Аннет вышивала. Завидев ее, он на секунду замер, потом вернулся к работе, будто не особенно удивился, что она пришла.

— Вы не опоздали, — заметил он, не поднимая взгляда.
— Это обнадеживает.

— Я говорила вам, что не опаздываю, — отозвалась Аннет, стараясь не обращать внимания на то, как хлопает в туфлях.

— Говорили. — Он одним движением освободил овцу, которая тут же отбежала в сторону, отряхиваясь, будто избавившись от тяжелого пальто. На земле осталась лежать большая спутанная масса шерсти — грязноватой, неровной, ничуть не похожей на то изящное «полотно из золотых нитей», которое Аннет видела во сне. — Подойдите ближе. Будете смотреть, как это делается. Сегодня — только смотреть.

Аннет послушно подошла, стараясь не наступить на разбросанные клочья шерсти, и встала рядом, сложив руки перед собой — почти как на светском приеме, и тут же почувствовала, насколько неуместно это выглядит среди грязи и бляения.

Этьен подвел следующую овцу — упрямую, недовольную, дергающуюся — и принялся объяснять, как ее держать, чтобы она не вырывалась, как вести ножницы вдоль тела, не за-

девая кожу, как складывать шерсть, чтобы она не запутывалась еще больше.

Аннет слушала внимательно — куда внимательнее, чем когда-либо слушала учителя музыки или танцев. Что-то в этом занятии — простом, грубом, требующем сосредоточенности — оказалось неожиданно увлекательным.

— Вы хорошо это делаете, — заметила Аннет, не подумав, и тут же удивилась собственным словам.

Этьен на мгновение поднял взгляд — кажется, не ожидал услышать что-то подобное.

— Я делаю это каждый год последние пятнадцать лет, — ответил он сухо, но без прежней резкости. — Было бы странно, если бы я делал это плохо.

— Пятнадцать лет? — переспросила Аннет. — Но вам не может быть больше тридцати.

— Двадцать восемь, — он чуть усмехнулся, не отрывая взгляда от работы. — Стрижкой я занимался с тринадцати. Отец считал, что чем раньше ребенок берет в руки ножницы, тем меньше шансов, что он порежет себе палец, играя ими от скуки.

Аннет невольно улыбнулась — впервые с момента приезда.

— У меня в тринадцать лет были уроки французского, — заметила она.

— Могу представить, как это вам сейчас помогает, — отозвался он, и в голосе его впервые прозвучало что-то похожее

на сухой юмор, а не на колкость.

К середине утра Этьен протянул ей ножницы.

— Попробуете?

— Прямо сейчас? — Аннет посмотрела на инструмент с некоторым недоверием.

— Прямо сейчас, — подтвердил он, подводя смирную с виду овцу. — Эта не станет вырываться. Просто повторяйте, что я показывал.

Аннет глубоко вдохнула, взялась за ножницы обеими руками — и в следующую секунду овца дернулась так резко, что Аннет едва не упала, а ножницы скользнули вбок, оставив на боку животного неровную, кривую полосу.

— Ой, — выдохнула Аннет, в ужасе глядя на испорченный участок шерсти.

Этьен подошел, осмотрел овцу — та, впрочем, не выглядела особенно расстроенной и уже принялась щипать траву, — и покачал головой, но без злости.

— Жить будет, — сказал он. — Хотя выглядеть будет, как после драки с кустом ежевики.

— Это ужасно, — пробормотала Аннет. — Простите. Я не...

— Это нормально, — перебил он неожиданно мягко. — Все так начинают. Я в первый раз порезал палец себе, а не овце — это было куда хуже.

— Попробуете снова после обеда, — добавил он через плечо. — Сегодня вам, кажется, хватит впечатлений.

— Хорошо, — сказала Аннет, чувствуя, как усталость растекается по телу — приятная, честная усталость, не похожая ни на что из того, что она испытывала прежде.

Дома, разбирая сверток с бумагами, она наткнулась на меньший узелок, обернутый тряпицей. Развязала — и замерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.